

Крамп Джон. Анархизм в Японии в 1920-30-х гг.

1996, источник: [здесь](#). J.Crump. *The Anarchist movement in Japan. Anarchist Communist Editions, London, 1996.*

Многие исследования об анархизме в Японии, особенно те, которые симпатизируют большевизму, утверждают, что приблизительно со времени гибели Осуги[1] анархизм пошел на спад. Этот взгляд далек от истины. В течении 20-х годов анархисты в Японии были в организационном отношении сильны, как никогда. Соответственно наблюдался расцвет их идей и теорий, особенно среди анархо-коммунистов.

В 1926 г. были созданы две общенациональные федерации анархистов. Первая возникла в январе 1926 г. – Черная лига молодежи (Кокусёку Сейнен Рэнмей), известная по ее японскому сокращенному названию Кокурэн. Первоначально ее составляли главным образом молодые анархисты их Восточной Японии (район Канто), однако она быстро охватила людей из различных поколений и распространила свою федеральную организацию по всей стране и даже на японские колонии – Корею и Тайвань. Второй федерацией была Всеяпонская Либертарная Федерация Профсоюзов (Дзенкоку Родо Кумиай Дзю Рэнгокай), название которой обычно сокращалось как Дзенкоку Дзирэн. На ее учредительной конференции 24 мая 1926 г. присутствовали 400 делегатов, представлявших 25 профсоюзов с общим числом 8400 членов. Эти цифры сопоставимы с 35 профсоюзами (20 тысяч членов), оставшимися в реформистской Японской конфедерации труда, в то время как 32 из входивших в нее ранее профсоюзов (12500 членов) откололись в 1925 г. и создали Японский совет профсоюзов, руководимый большевиками. Хотя Дзенкоку Дзирэн была, таким образом, меньше, чем ее реформистские и большевистские соперники, входившие в нее профсоюзы действовали во всех регионах страны, от острова Хоккайдо на дальнем Севере, в крупных городских центрах Токио и Осаке в индустриальном сердце Японии и вплоть до городов на Юго-западе страны, таких как Хиросима. Помимо этого Дзенкоку Дзирэн была укоренена во всех основных отраслях промышленности. Ее профсоюзы были организованы на отраслевой основе, причем включала работников таких различных отраслей, как печатников, текстильщиков, строителей, пищевиков, рабочих резиновой промышленности, межотраслевые союзы и т.д.

Кокурэн и Дзенкоку Дзирэн имели вначале широкую основу. В них объединялись сторонники большинства направлений в анархизме – от анархистов-синдикалистов до анархо-коммунистов. Хотя присутствие последних сильно ощущалось с самого начала, программа Дзенкоку Дзирэн, принятая на ее учредительной конференции, была сформулирована под явным влиянием классической декларации синдикалистских принципов – Амьенской хартии

французской ВКТ (1906 г.). Учредительная программа Дзенкоку Дзирэн провозглашала:

Мы считаем классовую борьбу основой движения за освобождение рабочих и батраков-крестьян.

Мы отвергаем все политические движения и признаем исключительно экономическое действие.

Мы выступаем за либертарную федерацию, организованную по отраслям, и отвергаем централизованный авторитаризм.

Мы выступаем против империалистической агрессии и за международную солидарность трудящегося класса.

Между Кокурэн и Дзенкоку Дзирэн существовали очень тесные связи, причем первая действовала как ядро наиболее деятельных и закаленных в борьбе активистов в более широких рамках второй. Когда профсоюзы, входившие в Дзенкоку Дзирэн, вовлекались в трудовые конфликты, активисты Кокурэн, помимо участия в забастовках, зачастую прибегали к наиболее опасным формам прямого действия, например, вооруженным столкновениям с полицией, пытавшейся подавить забастовочное движение, поджогам домов хозяев и т.д. В связи с этим отношения между Кокурэн и Дзенкоку Дзирэн часто сравнивают с теми, которые существовали в Испании между ФАИ и СНТ. Однако эта аналогия не может считаться полной, поскольку, как мы увидим, идеи, которыми вдохновлялись многие японские анархисты, существенно отличались от тех, которые были распространены в Испании и других странах.

История последующих 5 лет была наполнена ростом антагонизма между анархо-коммунизмом и синдикализмом, в результате чего анархистские синдикалисты в 1927-1928 гг. вышли из Кокурэн и Дзенкоку Дзирэн и создали собственные независимые организации. Причины для такой конфронтации были различными. Наиболее просто было бы отождествить их с влиянием двух виднейших анархо-коммунистических теоретиков и пропагандистов – Хатты Сюдзо и Ивасы Сакутаро. Хотя Хатта активно участвовал в анархистском движении только в течении 10 последних лет своей относительно короткой жизни (1886-1934), он был широко признан как “крупнейший теоретик анархистского коммунизма в Японии”. Иваса прожил более долгую жизнь (1879-1967) и все больше рассматривался как патриарх японского анархизма – со смесью любви и уважения. Сильно различаясь во многих отношениях, Хатта и Иваса весьма эффективно дополняли друг друга и испытывали глубокое недоверие как к синдикализму, так и к обычному рабочему движению. Бывший протестантский священник, Хатта был блестящим оратором, человеком, который мог владеть вниманием крестьян и рабочих, часами завораживая их, доводя до слез страстным обличением капитализма и большевизма и зажигая их страстным стремлением к иному обществу, в котором могли бы гармонично соединиться индивидуальная свобода и коммунитарная солидарность. Иваса был более спокойным, менее пламенным человеком, незаменимым в неформальных разговорах и дискуссиях. Он был всегда в движении, постоянно колесил по Японии, легко заводил друзей и распространял где только мог идеи анархистского коммунизма.

Хотя выразителями анархо-коммунизма были такие талантливые люди, как Хатта и Иваса, расцвет этой теории в Японии невозможно объяснить одним только их влиянием. Популярность анархо-коммунизма в Японии конца 20-х гг. объяснялась тем, что он давал убедительное объяснение угнетению, от которого страдало так много людей, и одновременно отвечал их надеждам на новую жизнь. Многие батраки и рабочие сочли, что анархо-коммунизм более соответствует этим задачам, чем анархистский синдикализм. С точки зрения отчаянно бедных батраков, составлявших в тот период массу населения страны, и немногочисленных фабричных рабочих причины этого были легко понятны[2]. Когда анархо-коммунисты вели речь о революционном превращении нищих деревушек в процветающие, самообеспечивающиеся коммуны, их доводы были гораздо ближе батракам-крестьянам, чем преимущественно урбанистический, индустриализированный и профсоюзный подход анархистских синдикалистов.

Тем не менее, раскол между анархо-коммунизмом и анархистским синдикализмом невозможно объяснить только различием в социальном положении бедных крестьян и промышленных рабочих. Во-первых, существовала миграция между деревнями и городами, новые рабочие приходили на фабрике в периоды экономического подъема и регулярно возвращались назад при неизбежных спадах. Во-вторых, даже в глазах рабочих, постоянно обитавших в городах, анархо-коммунизм воспринимался как более кардинальный разрыв со структурами и ценностями капитализма, чем анархистский синдикализм.

Многие из этих рабочих считали убедительным аргумент Хатты, который утверждал, что раз синдикализм основан на базе профсоюзной организации, выросшей на капиталистических рабочих местах, он воспроизводит в своих социальных отношениях централизацию, иерархию и власть, существующие при капитализме. По мнению Хатты, синдикализм, принимая форму организации, которая отражает капиталистическую индустрию, увековечивает разделение труда. Он предсказывал, что даже если хозяева будут устранены, шахты перейдут под контроль шахтеров, домны – сталелитейщиков и т.д., сохранятся противоречия между различными отраслями экономики и различными группами рабочих. Даже если признать, что анархистский синдикализм идеологически предусматривает ликвидацию государства, в нем, полагал Хатта, сохраняется тенденция к некоей форме арбитража или органа координации, который разрешал бы конфликты между различными секторами экономики и теми, кто в них занят. Существует опасность, что это не только породит новое государство, но и приведет к возникновению через этот координирующий орган нового правящего класса. Как отмечал Хатта, “в обществе, основанном на разделении труда, те, кто участвуют в жизненно важном производстве (составляя базу производства), будут иметь больше власти над механизмом координации, чем те, кто участвуют в других видах производства. Поэтому будет существовать реальная опасность возникновения классов”.

Хатта и Иваса резко критиковали анархистский синдикализм за намерение осуществить революцию посредством классовой борьбы. Прежде всего, они отмечали, что социальные отношения, существующие между миллионами батраков-крестьян и помещиками, у которых они арендуют землю, ближе к феодализму, чем к капитализму. Поэтому японское общество невозможно свести к схеме классовой структуры, состоящей из противостоящих рабочих и капиталистов, как это пытаются сделать анархистские синдикалисты (и по той же причине

компартия Японии). Во-вторых, что еще важнее, победа в классовой борьбе в лучшем случае изменяет существующий классовый порядок, но не создает бесклассовых условий, которые предусматриваются анархизмом. Иваса описывал это с помощью аналогии, ставшей знаменитой среди японских анархистов: когда главарь банды (капиталист) изгоняется и заменяется одним или несколькими из своих приближенных (обычным рабочим движением), порядок присвоения (классовая структура), можно сказать, изменяется, но сохраняется эксплуататорская природа общества (представленная в аналогии Ивасы продолжением грабительских действий банды). По этим причинам Хатта пришел к следующему выводу: “Если мы поймем,... что классовая борьба и революция – это разные вещи, то мы вынуждены будем сказать, что было бы большой ошибкой заявлять, как это делают синдикалисты, что революция произойдет с помощью классовой борьбы. Даже если с помощью классовой борьбы произойдет изменение общества, это не будет означать, что произошла настоящая революция”.

В связи с этой критикой в адрес анархистского синдикализма Хатта специально разрабатывал вопрос, как анархо-коммунистическое общество может преодолеть разделение труда. Делая это, он раздвигал теоретические границы анархистского коммунизма, развивая его в такой мере, как это не делалось никогда со времен Кропоткина. Его видение анархистского коммунизма, в основном, сводилось к расцвету “небольших сообществ” (коммун), каждое из которых будет в далеко идущей степени обеспечивать себя само благодаря организации чередования сельскохозяйственной и (в небольших размерах) промышленной деятельности. Рассуждая теоретически о том, как это возможно на практике, он развил далее некоторые из идей, которые в зачаточной форме содержались в произведениях Кропоткина (указание на “физиологию общества” в “Хлебе и воле”), и внес важный вклад в развитие экономической теории анархистского коммунизма.

Поразительно, что многие теоретические работы Хатты, выражавшие такие идеи, находили отклик среди многих рабочих, даже тех, которые привыкли жить в промышленных и городских районах. Вот только один пример. Один токийский рабочий-печатник написал статью “Покинем города”, опубликованную в газете Дзенкоку Дзирэн “Дзию Рэнго” (“Либертарная федерация”) в декабре 1926 г. В ней говорилось, что рабочие не должны стремиться взять города из рук капиталистов и развивать их в своих собственных интересах. Они должны скорее восстать против хозяев и понести свои промышленные навыки в деревню, чтобы таким образом обогатить деревенскую жизнь и достичь единства с их братьями и сестрами-крестьянами. Что касается отношения к анархистскому синдикализму, то в газете Кокурэн “Кокусёку Сэйнен” (“Черная молодежь”) в декабре 1929 г. появилась статья, выражавшая позицию большинства: “В настоящее время анархистское движение в Японии прогрессирует в больших масштабах. В других же странах мы видим анархистское движение, связанное с синдикалистами. Но в нашей стране мы не одобряем этого, рассеивая синдикалистское движение, как мы это делаем с большевиками. Мы против анархистского синдикализма, мы приверженцы анархистского коммунизма” (что означал эфемизм “рассеиваем” из данной цитаты неясно. Но вобщем можно догадаться – прим.ред.)

Раскол между анархо-коммунистами и анархистскими синдикалистами произошел сперва в Кокурэн. В 1927 г. анархо-коммунистическое большинство стало все более открыто

выражать свою оппозицию против синдикализма, что заставило меньшинство – анархистских синдикалистов – сгруппироваться вокруг новой газеты “Хан Сейто Ундо” (“Антипартийное движение”), выпуск которой начался в июне, а затем и полностью отойти от Кокурэн. Из Кокурэн раскол перешел в Дзенкоку Дзирэн, приведя к хаосу на ее второй конференции в ноябре; конференция была отложена, когда дебаты превратились в поток ругани. Сообщения о неминуемом расколе между анархо-коммунистами (в Японии они были иногда известны как “чистые анархисты”) и анархистскими синдикалистами распространились за пределы Японии. Среди тех, кто встревожился, был и Аугустин Сухи, секретарь анархо-синдикалистского Интернационала М.А.Т. В письме, адресованном второй конференции Дзенкоку Дзирэн Сухи писал: “Товарищи! Мы слышали кое-что относительно нынешнего теоретического спора между чистыми анархистами и чистыми синдикалистами в японском либертарном рабочем движении. Если мы можем высказать наше мнение, сейчас не подходящее время для спора по подобным вопросам. Он носит абсолютно теоретический характер. В этой связи я хотел бы обратить ваше внимание на Аргентину и южноамериканские страны в целом. В этих странах рабочее движение действует в духе Михаила Бакунина и, в то же самое время, находится под духовным руководством нашего... пионера Эррико Малатесты. В этих странах все анархисты героически участвуют в синдикалистском движении, и, в то же самое время, все синдикалисты борются за ликвидацию угнетательской машины государства и сопротивляются капиталистической эксплуатации. В Испании же анархисты и синдикалисты уделяют экономическим вопросам и духовной стороне дела такое внимание, что теоретические споры не возникают”.

Письмо Сухи было опубликовано на первой странице газеты “Либертарная федерация” Дзенкоку Дзирэн в январе 1928 г., но оно не возымело желаемого эффекта. Более того, “Черная молодежь” Кокурэн в своем февральском номере опубликовала статью “Относительно послания Международной ассоциации трудящихся”, бескомпромиссно заявлявшую, что с 1927 г. в Дзенкоку Дзирэн развернулась борьба против “предателей, оппортунистов и профсоюзных империалистов”. Этот подход был перенесен и на вторую конференцию Дзенкоку Дзирэн, когда она возобновилась в марте 1928 г. После многочасовых резких споров, после взаимных оскорблений с обеих сторон анархистские синдикалисты решили признать неизбежное, свернули свои знамена и покинули зал. Но не только это оформило раскол в анархистском профсоюзном движении. То же самое открытое противостояние между анархо-коммунистами и анархистскими синдикалистами проявилось во всех сферах, где действовали анархисты. Например, процветавшее литературное и культурное анархистское движение таким же образом раскололось на коммунистическое и синдикалистское крыло, воевавшие между собой.

Следовало, вероятно, ожидать, что раскол между анархо-коммунистами и анархистскими синдикалистами окажет негативное воздействие на рост анархистского движения в целом, но этого не произошло. Правда, Дзенкоку Дзирэн лишилась некоторых профсоюзов и синдикалистского крыла из ряда других профсоюзов в ходе раскола 1928 г. К тому же пострадала ее опора – насчитывавший 5 тысяч членов токийский союз печатников, расколовшийся в апреле 1929 г. на чисто анархо-коммунистическую и анархистскую синдикалистскую организации. Однако в 1931 г. в новой, чисто анархо-коммунистической Дзенкоку Дзирэн было 16300 членов, что, вероятно, в два раза больше, чем при ее создании в 1926 г. Что касается анархистских синдикалистских профсоюзов, отколовшихся от

Дзенкоку Дзирэн, то большинство из них объединились под именем Либертарного федерального совета профсоюзов Японии (Нихон родо кумиай дзию рэнго киогикай), сокращенно Дзикио. Дзикио был значительно меньше, чем Дзенкоку Дзирэн; в 1931 г. число его членов выросло до 3 тысяч[3].

Для понимания теории и практики анархо-коммунистов важно различать между антисиндикализмом и антипрофсоюзной ориентацией. Основа их оппозиции против синдикализма была объяснена выше, при описании теорий Хатты Сюдзо и Ивасы Сакутаро. Однако антисиндикализм не следует понимать как отказ от профсоюзной деятельности. Дзенкоку Дзирэн оставалась федерацией профсоюзов даже после выхода из ее рядов анархистских синдикалистов. Как мы видели, в несколько последующих лет она продолжала привлекать к себе значительное число рабочих. Более того, входившие в нее профсоюзы были всегда готовы пойти на ожесточенный конфликт с хозяевами по вопросам зарплаты или условий труда и участвовали в ряде крупных выступлений, например, можно указать на борьбу 1300 рабочих против сверхурочного труда и урезания зарплаты на заводах Сибаура компании Мицуи и в американской компании “Дженерал электрик” в 1930 г.

Отношение анархо-коммунистов к профсоюзному движению отличали два фактора. Во-первых, они постоянно подчеркивали значение более широкой борьбы за новое общество, которую они ставили над и вне непосредственных проблем, таких как зарплата или условия труда. Во-вторых, хотя в профсоюзы Дзенкоку Дзирэн входили в основном промышленные рабочие, они направляли свое внимание на батраков-крестьян как на ключевую социальную силу для осуществления на базе коммун общества, альтернативного капитализму (эта работа, повидимому, подготовила почву для появления крестьянского анархо-коммунистического движения “Носейся”, о котором речь пойдет ниже). Значение, которое активисты Дзенкоку Дзирэн придавали этим двум факторам, заставляло их уделять много времени и энергии теоретической работе с целью прояснить природу нового общества и социальные силы, могущие его осуществить.

Японские анархистские синдикалисты, напротив, весьма мало занимались теорией. Вероятно, ни один из них в Японии не внес крупного, оригинального вклада в анархистскую синдикалистскую теорию. С этой точки зрения важно, что наиболее значительным теоретиком со стороны анархистского синдикализма всеми признается Исикава Сансиро. Однако, хотя он отказался отбросить анархистский синдикализм, что сделало его своего рода противоположностью анархо-коммунистам вроде Хатты и Ивасы, и он, как ни странно, был, в первую очередь, ориентирован на аграрный анархизм. В контексте Японии можно сказать, что анархистский синдикализм внес наиболее значительный вклад не в области теории, а в сфере действия. Например, во время конфликта в компании “Нихон сендзю” в апреле 1931 г. профсоюз, входивший в Дзикио не только захватил фабрику, но и использовал новаторские методы борьбы, такие как голодная стачка и расширенное вовлечение женщин из окружающих местностей. Один из активистов Дзикио – Тиба Хироси – удачно драматизировал борьбу с целью привлечь поддержку общественности. Он поднялся на заводскую трубу и сидел там на высоте 40 метров на протяжении 14 дней. Хотя конфликт закончился компромиссом, это было уже само по себе достижение в тогдашних условиях, когда все было против рабочих.

Поворотным пунктом в истории довоенного анархистского движения стал в 1931 г. так называемый Маньчжурский инцидент. Под влиянием мировой экономической депрессии, наступившей в 1929 г., все империалистические державы начали возводить высокие таможенные барьеры вокруг контролируемых ими территорий и использовать свои колониальные владения для смягчения воздействия кризиса. Но в отличие от главных империалистических держав, таких как США, Великобритания или Франция, Япония не обладала такими колониальными территориями, которые были бы достаточны для обеспечения необходимых ей рынков и снабжения дешевым сырьем. Маньчжурский инцидент стал началом попыток японского капиталистического государства расширить контроль над все большей частью китайской территории с тем, чтобы компенсировать эти недостатки. Этот процесс начался в 1931 г. в Манчжурии и достиг своего апогея при нападении на Пирл Харбор в 1941 г. и полномасштабной войне с США. Вот как оценивала газета Дзенкоку Дзирэн положение в ноябре 1931 г.: “Настоящей причиной мобилизации против Китая служит ни что иное, как стремление японского капиталистического класса и военщины завоевать Манчжурию. У Японии есть своя собственная “доктрина Монро”. Японский капитализм не может развиваться и даже выжить без Манчжурии. Вот почему его правительство идет на любой риск, лишь бы не потерять свои крупные привилегии в Китае... Американский капитал притекает в Китай во все больших и больших масштабах. Иными словами, Япония теперь вынуждена противостоять американскому капиталу в Китае”.

Когда японское государство пошло навстречу смертельной схватке со своими международными соперниками, оно было вынуждено сокрушить всякое инакомыслие на внутреннем фронте; на верхних местах в списке на уничтожение стояли анархисты. Кокурэн была ликвидирована в 1931 г., а Дзенкоку Дзирэн и Дзикио, достигшие пика влияния в этом году, стали терять численность по мере ужесточения репрессий[4]. В 1933 г. численность Дзенкоку Дзирэн упала до 4400 членов, а Дзикио – до 1100. В рядах прижатых к стене анархистов сформировались три стратегии выживания движения. Одна из них диктовала Дзенкоку Дзирэн и Дзикио сократить свои расхождения, воссоединиться в единую федерацию, объединявшую как анархо-коммунистов, так и анархистских синдикалистов, и выступить в едином фронтальном сопротивлении против фашизма. Воссоединение произошло в январе 1934 г., когда Дзикио самораспустился, а большинство его членов и входящих в него профсоюзов вернулись в Дзенкоку Дзирэн. Но это сплочение рядов не остановило рассыпание анархистского профсоюзного движения[5]. По отдельности или вместе, профсоюзы просто не могли тягаться силами с государством, твердо решившим их уничтожить (как организационно так и физически). В 1935 г. даже в объединенной Дзенкоку Дзирэн было не более 2300 членов.

Вторая стратегия ответа на государственные репрессии была использована Ассоциацией деревенской молодежи (Носон сейнен ся), сокращенно называвшейся Носейся. Сформированная в феврале 1931 г. Носейся была сетью сельских анархо-коммунистических групп, доведших децентрализацию до ее крайних пределов. Носейся выступала за крайнюю организационную децентрализацию, не только потому что это предопределяло тот тип анархизма, которого она стремилась достичь, но и для того, чтобы снизить уязвимость анархистов перед государственными репрессиями. Предполагалось, что если наносить удары без какого-либо четкого центра, то государство не будет знать, куда бросить свои

силы. Носейся критиковала анархистов (цитируя по этому поводу Бакунина), которые полагали, что достаточно заменить систему контроля сверху, существующую в авторитарных организациях, якобы либертарной системой, идущей снизу. По мнению Носейся, нужны не контроль низов над верхом или периферии над центром, а организационная форма, в которой не будет ни верхов, ни центров.

Другим отличием Носейся было то, что она выступала за определенную форму “практического анархизма”, которую предполагалось осуществлять немедленно, с основой, полностью расположенной в деревнях. В “Призыве к крестьянам”, написанном Миядзаки Акирой, крестьян призывали порвать связи с городами, отказаться от уплаты налогов или иных форм признания государства и немедленно перейти к анархо-коммунистической системе производства и потребления. Носейся признавала, что, по крайней мере вначале, результатом станет анархический коммунизм, основанный на крайней бедности, но она была убеждена, что даже на ранних этапах преобразования общества проявятся преимущества коммунитарной солидарности, которые компенсируют экономические лишения.

Даже это краткое изложение идей Носейся доказывает, что как в теории, так и в организационном плане она выросла из основного течения японского анархо-коммунизма, связанного с Дзенкоку Дзирен. Члены Носейся восприняли некоторые из элементов, всегда присутствовавших в анархо-коммунистической теории и практике, и развили их дальше в характерный подход к анархистской организации и действию. Впрочем, настаивая на крайней децентрализации, они, тем не менее, все же имели некое подобие собственной организации.

Принимая решение о самороспуске, они, несомненно, действовали под влиянием ареста многих своих членов в Токио в 1932 г., последовавшего за кампанией по добыванию финансовых средств для организации. Так что роспуск Носейся в сентябре 1932 г. был частично актом самосохранения. Это не означает, что ее члены перестали быть анархо-коммунистами или что они отказались от активной деятельности. Скорее, они ушли после этого в работу на местах, часто в нищих деревушках в горных районах, сохраняя при этом неформальные контакты между собой. Но как мы увидим, эта стратегия распыления не спасла бывших членов Носейся, когда государство нанесло по ним удар.

Третьей стратегией, нацеленной на сохранение анархистского движения перед лицом вознамерившегося сокрушить его государства были действия “Анархистской коммунистической партии” (Мусейфу кёсанто). Во многом, эта стратегия была прямой противоположностью той, которую осуществляла Носейся. Как явствует из ее названия, АКП была создана в январе 1934 г. как маленькая группа активистов, намеренных осуществить безгосударственное и вольное коммунистическое общество, с которым всегда связывался термин анархистский коммунизм. Однако если цели этой борьбы остались прежними, средства ее достижения стали совершенно иными. В том, что касается средств, организаторы АКП стали использовать большевистские организационные методы для анархистских задач. Партия была создана как крайне секретная группа, о существовании которой не было открыто объявлено; ее членский состав ограничивался специально отобранной элитой. Одна из часто применявшихся тактик АКП состояла в продвижении

своих членов на ключевые позиции в более широких организациях, которыми затем пытались манипулировать изнутри. Например, таким образом АКП удалось захватить контроль над “Газетой либертарной федерации”, которая служила органом Дзенкоку Дзирэн со времени своего создания в сентябре 1928 г. Такие члены АКП, как Аидзава Хисао, бывший одним из редакторов “Газеты либертарной федерации”, сыграли важную закулисную роль в осуществлении воссоединения Дзенкоку Дзирэн и Дзикию, поскольку это соответствовало партийной идее единого фронта анархо-коммунистов и синдикалистов. Важно отметить, что АКП смогла добиться некоторых успехов внутри движения лишь в условиях катастрофического поражения японского анархизма, подтвердив таким образом простую истину, что большевистско-манипулятивные авторитарные методы оказываются востребованы в условиях спада общественного движения, т.е. в ситуации, когда массовая активность, основанная на принятии основных решений общими собраниями рабочих (ассамблеями) по тем или иным причинам сходит на нет, а наиболее активные в рабочем движении люди оказываются изолированными. Успех российского большевизма и других подобных движений объясняется именно прогрессирующим разрывом между “успокоившимися” или запуганными массами и изолированными, хотя и сохранившими определенные каналы воздействия на общество активистами. Из этой почвы и вырос японский анархо-большевизм (как и пресловутая “платформа” Махно-Аршинова среди русских анархистов). Однако, подобная тактика не только не принесла японским анархистам успеха, но, напротив, обернулась новой катастрофой.

Нарушение фундаментального анархо-коммунистического принципа “единства цели и средств” быстро принесло свои плоды. Анархистам пришлось столкнуться с последствиями этого флирта с большевистскими методами. Атмосфера внутри АКП вскоре стала напоминать паранойю, неизбежную для любых авангардных организаций. Страх перед предательством и изменой стал повседневным явлением и, наконец, достиг апогея, когда один из членов партии по имени Футами Тосио застрелил другого, известного под именем Сибахара Дзюндзо, поскольку предполагал, что тот является полицейским шпионом. За убийством Сибахары в октябре 1935 г. последовало в ноябре неумелое вооруженное ограбление, в ходе которого Футами, Аидзава и еще один член партии попытались захватить деньги из банка. Как убийство, так и попытка ограбления навели полицию на след активистов партии и, когда Аидзава был арестован и подвергнут пыткам, детали об организации АКП стали известны[6].

Здесь государству, которое стремилось полностью удушить все анархистское движение, снова повезло. Полиция раскинула свои сети как только могла широко, и только за последние месяцы 1935 г. в них попались 400 анархистов[7]. Когда размах репрессий возрос, Дзенкоку Дзирэн в начале 1936 г. прекратила свое существование, а анархистская твердыня – Токийский союз печатников – был сломлен арестом около 100 своих членов. По мере допросов все большего числа арестованных, сопровождавшихся изощренными пытками, полиция смогла вычислить точную картину давно распущенной сети Носейся. Несмотря на то, что Носейся прекратила скоординированную деятельность более чем 3 года назад, в сентябре 1932 г., в мае 1936 г. на ее бывших членов обрушилась новая волна арестов. На этот раз было арестовано еще 300 анархистов[8].

Как и в деле Котоку и его товарищей поколением раннее, лишь небольшая часть арестованных предстала перед судом[9]. В этой связи только убийца Сибхары – Футоми Тосио был приговорен к смерти, но даже этот приговор был заменен на 20-летнее заключение. Другие видные члены АКП и Носейся получили более короткие сроки. Например, Аидзава Хисао, главный организатор АКП, был приговорен к 6 годам тюрьмы, а Миядзаки Акира, автор “Призыва к крестьянам”, и другие обвиненные в том, что они являлись “лидерами” Носейся, получили до 3 лет. Хотя индивидуальные приговоры были менее драконовскими, чем во времена Котоку, общее давление на анархистское движение в целом было тяжелее, чем в “зимний период”. С 1936 г. организованная деятельность стала в буквальном смысле невозможной. Это не означает, что с этого дня анархисты в Японии исчезли. Очевидно, что они продолжали присутствовать в японском обществе на протяжении военных лет, но у них уже не было возможностей для организованного выражения своего существования. Для каждого анархиста в отдельности основным (и чрезвычайно трудным) делом стало личное выживание; у большинства не было иного выбора, кроме как держаться в тени, сохранять свои мысли при себе и ждать...

Полномасштабная война с Китаем, которая велась с 1937 г., переросла с 1941 г. в войну с США и их союзниками и привела, в конечном счете, к ковровым бомбардировкам Токио и других крупных городов в 1945 г. и к ужасу Хиросимы и Нагасаки. Более 3 миллионов японцев погибли в эти годы бойни; заметим, что бомбы и пули не различали между оголтелыми милитаристами и противниками империалистической войны, такими как анархисты. Немалое число анархистов бесследно исчезло, по-видимому, часть погибла в тюрьмах и концлагерях, другие стали жертвами катастроф, рожденных войной. Хотя японское государство вынуждено было, в конце концов, сдаться в августе 1945 г., механизм репрессий работал почти до самого финала. В итоге, когда наступил конец, нескольким десяткам выживших анархистов пришлось восстанавливать свое движение на пустом месте.

(Из брошюры: J.Crump. The Anarchist movement in Japan. Anarchist Communist Editions, London, 1996).

Примечания

[1] Осуги Сакаэ, один из наиболее талантливых мыслителей и публицистов среди японских анархистов, и двое его товарищей были казнены в сентябре 1923 г. [2] Население Японии в 1930 г. составило 64,5 млн., а в 1935 г. – 69 млн. человек. Из них в городах жили 24% (1930 г.) – 32% (1935 г.). В 1930 г. в сельском хозяйстве было занято 48% самодеятельного населения, причем (на 1936 г.) 27% хозяйств были арендаторскими, 42% – полуарендаторскими и только 31% хозяйствовали на собственной земле; 75% хозяйств владели участками земли менее 1 га. В конце 30-х гг. численность рабочего класса достигала 12 млн. человек, в том числе промышленного – 7 млн., сельскохозяйственного – 1 млн. [3] Общее число членов всех профсоюзов Японии в 1931 г. составляло 369 тысяч – 8% всех лиц наемного труда. [4] В условиях начала войны в Китае японские анархистские синдикалисты вынуждены были на словах занять более умеренную позицию в попытке спасти движение. Но это не слишком помогало. В апреле 1932 г. был запрещен ежегодный конгресс Дзикоки (фактически японской секции М.А.Т.). Все издания, в том числе

официальный орган Дзикио “Родо симбун” (“Рабочая газета”) и ежемесячный журнал “Под черным знаменем” были запрещены и изымались из продажи. В итоге попытки анархо-синдикалистских изданий “быть осторожными на словах, чтобы пройти как-нибудь через цензуру, кончались полной неудачей” (“Дело труда”, №78, январь-март 1934, с.22). Жестоко подавлялись выступления рабочих. Первوماй 1932 г., прошедший в Токио под лозунгами анархо-синдикалистов “Освобождение рабочего класса возможно только на основе автономного федерализма!”, несмотря на запрет, собрал свыше 12 тысяч рабочих; против них были брошены 4,5 тысячи полицейских. Вспыхнули столкновения; полиция арестовала 1200 демонстрантов (прим. К.Лиманова). [5] К моменту объединения обе федерации фактически уже действовали нелегально, хотя и не были официально запрещены. После Манчжурского инцидента Дзенкоку Дзирэн и Дзикио уже не смогли собрать ни одного легального форума. Решение об объединении принималось на нелегальных конференциях, в частности, на конференции Дзикио 17-29 июня 1933 г. первая конференция объединенной Дзенкоку Дзирэн 18 марта 1934 г. и первое заседание ее исполкома в Токио 3-4 ноября 1934 г. также проходили в подполье. Полиции удалось арестовать двух делегатов исполкома из Окаямы и конфисковать оттиски резолюций, подлежащих обсуждению. После этого обсуждение этих резолюций было запрещено (прим. К.Лиманова). В 1935 г. сообщалось о сохранении связей между М.А.Т. и Дзенкоку Дзирэн, которая фактически была секцией М.А.Т., хотя японские законы не разрешали официального членства в международных организациях.

[6] Некоторые подробности о деле АКП можно узнать из тенденциозного заявления властей от 12 ноября 1935 г. В нем говорилось: “В конце августа полиции удалось узнать о существовании тайного общества, носящего имя Японской анархо-коммунистической партии. Точное расследование установило, что это нелегальное общество поставило целью борьбу и разрушение современного политического и экономического строя и установление, путем террора, социальной системы анархического коммунизма. Вожди этой партии проектировали нападения на банки, почтамты и другие грабежи, чтобы добыть нужные средства для работы партии. Они уже совершили ряд убийств, проводя свои планы в жизнь. В Токио 6 ноября один банк подвергся безуспешному нападению. Опасаясь преследования со стороны полиции, преступники бежали в Кобэ, откуда они думали уехать в Шанхай. Портовая полиция, однако заподозрила одного из этих субъектов и арестовала. Арестованный оказался Х.Аизавой, секретарем партии. Все вожди Дзэнкоку Дзирэн являются членами этой нелегальной организации, и эта федерация получила приказание от партии касательно ее деятельности. Дзэнкоку Дзирэн как легальная рабочая организация в действительности служила защитным прикрытием и средством привлечения масс в Японскую анархо-коммунистическую партию” (цит. по: “Дело труда”, №90, январь-апрель 1936, с. 17-18). Что здесь правда, а что нет? Во-первых, очень запутанной является история с убийством Сибакхара. Пока сложно утверждать, действительно ли он был полицейским агентом. Во всяком случае, в Японии чаще приходилось иметь дело не с “делом студента Иванова”, а с “делом Азефа или Малиновского”. В 20-е гг. все “левые” партии, профсоюзы и культурные организации подвергались инфильтрации со стороны полицейских агентов; в результате полиции удалось арестовать тысячи человек. Так что почва для возникновения шпиономании и шпионофобии была вполне благоприятной.

